

ОСИП БАСОВ

Сутулящийся, но старающийся выпрямиться от житейских невзгод, с лохматой седой гривой артиста, он дирижировал, этот вдохновенный музыкант Миллер, на наклонном серебряном кругу увертюрой и финальной симфонией, открывающей и замыкающей мир страстей и дум Луизы и ее Фердинанда.

И в свой последний вечер, 8 октября, Басов играл Миллера, артистично дирижуя музыкой спектакля, Миллер Басова знал силу коварства, но и силу любви.

Умные, щурящиеся, очень сосредоточенные и неизменно насмешливые глаза Басова иронически улыбались. Все его персонажи были несколько чудаковаты, в чем-то нелепы, пожалуй, ленивы, но более чем жизне-радостны. Басов шутил и проказил со своим дряхловатым капитаном второго ранга в «Свадьбе» Чехова, угадывая и печальное одиночество этого отставного, заброшенного и выжившего из ума человека. В «Чуде святого Антония» Метерлинка Басов подтрунивал над плотоядным и алчным Гюставом — светливым родственником неуместно воскресшей тетушки мадемуазель Гортанс. В образе Достигаева Басов обнажает цепкость и гибкую ловкость приспособленца.

Есть нечто объединяющее его героев. Басов придавал им присущее ему сценическое лукавство. Это был художник глубоко субъективный и крайне пристрастный. Родственность многих его образов не должна была внимательно зрителю казаться однообразием сценической манеры. Это было свойством и сущностью артистической индивидуальности Басова. Его можно назвать автором своеобразной галереи иронических сценических портретов. Меньше всего в них шаржа. Для карикатуры эти образы чересчур правдивы и слишком реальны. Если исключить пародийную игру Басова в ролях Альтоума и младшего Тарталья в «Турандот», то методом творчества Басова должен быть признан полноценный реализм. Басов ощущал своих героев до конца, знал о них всю их подноготную.

Упитанный Гюстав со своим лоснящимся лицом и губами, трусливый и хвастливый, лицемерный и плутоватый — казался в его исполнении обобщенным социальным типом французского обывателя, а в будущем, вероятно, фашиста. Гюстав Басова в первом акте долго не расстается с салфеткой, как гурман, которого нагло оторвали от завтрака, и жонглирует ею, как знаменем мещанского благополучия. У Гюстава появляется вскоре ближайший друг — редактор Мируэт в «Партии частных людей» Жюль Ромэна. Гюстав отличался грубоватостью провинциально-коммерсанта средней руки. Мируэт был парижанином и вполне светским человеком с изысканными изящными манерами. Во всем его облике сквозило нечто «министериабельное».

Водевильный любовник и гусарский поручик князь Ветринский в «Льве Гурыче Синичкине» для Басова послужил этюдом к созданию острого образа кирасирского офицера в «На крови». Оба они принадлежа-

ли к одному сословию. Ветер гулял в голове каждого из этих бонвиванов, чревоугодников, жуиров и никчемных фатов. Басов говорил от их имени медлительно и протяжно, глотая слова или отдельные буквы, картавя капризной манерой баловня, который не желает себя ни утомлять, ни утруждать даже в беседе.

Есть образ, в котором Басов был всего более трогателен. Это образ избретателя в «Попове» Бергера. Запомнились навсегда беспомощные плечи неудачника, лишенного перспектив, заброшенного и растерянного в омуте Соединенных штатов.

В ролях Людовика XIII в драме Гюго «Марион де Лорм» и в роли Федота в пьесе Сейфуллиной «Виреня» Басов показывал, как он умеет овладеть стилем автора, произведения, эпохи.

Людовик XIII и Федот — полярные образы — раскрывали Басова как артиста, забирающегося вглубь социальной среды своих персонажей.

Его Людовик XIII казался подлинным королем, а его Федот приносил

с собой запах дореволюционной дымной, прокуранный избы, ее заскорузлого и жестокого быта.

Гизгольдер Басова («Дорога цветов») — sentimentalен и бездушен одновременно. Он заливаясь слезами в момент разрыва с женой, но очень легко утешается игрой на арфе.

На материале водевильного персонажа Басов создает злой образ одного из последних советских мещан, досадно застрявших в нашем быту. Легкость и внутренняя свобода, с которой играл Гизгольдера Басов, замечательны.

Достигаев Басова прежде всего умен и пронизателен. Это купец, жаждущий сойти за европейского предпринимателя. Его Достигаев готов пройти сквозь огонь и медные трубы. Такой Достигаев не скоро погибнет и долго еще будет выплывать на поверхность. Стратег и тактик, дипломат, ориентирующийся в самой сложной политической обстановке. Басов характеризует его тонко, мастерски, проникаясь содержательностью замысла Горького.

За всю свою жизнь Басов только всего и сыграл один положительный образ, если не считать его участия в «Разломе» Лавренива в роли капитана Берсенева, — образ лирического музыканта и бескорыстного отца Миллера. И как знаменательно то, что именно Миллера — единственную свою патетическую роль Басов сыграл в свой последний вечер.

Басов бывал беспощадным, нетерпимым, прямолинейным. Он спорил ожесточенно и страстно, если видел другое решение спектакля в театре им. Евг. Вахтангова, если подозревал отступление от вахтанговских принципов, если усматривал проявление дурного вкуса. Свою беспощадность художника Басов порою вносил в разоблачение порочности своих, в большинстве случаев, грешных и плотоядных персонажей.

Как режиссер и педагог Басов считал своим внутренним долгом пропагандировать, развивать и углублять школу театра Вахтангова. Как актер он был образцом художника, виртуозно владеющего методом этой школы, умением верно жить в ситуациях своего героя и строить свой образ линиями острой формы, внутренне оправдывая каждое мгновение своего пребывания на сцене.

САМУИЛ МАРГОЛИН

МУДРАЯ ЖИЗНЕРАДОСТНОСТЬ

Образ Басова связан для меня прежде всего с теми арбатскими переулками, по которым Осип Николаевич ходил в театр. Часто, заведя друг друга, мы шли навстречу и, обменявшись дружескими рукопожатиями, останавливались в долгой беседе. Басов говорил об искусстве всегда с волнением, со страстностью, к которой иногда примешивалась капля горечи. Эта горечь происходила из той мечты о большом будущем Вахтанговского театра, к которому он принадлежал. Вера в будущее заставляла его с особенной чуткостью воспринимать и радости и горести действительности.

Я вспоминал, как почти на тех же местах тех же арбатских переулков лет 13 назад мы встречались с Евгением Вагратионовичем Вахтанговым. Быть может ничто другое, как эти удивительные неожиданные встречи, открывают характер человека. Вахтангов относился всегда к собеседнику с особой жалостью, ища в его высказываниях то, что бы ему помогло в его искусстве. Басов искал у собеседника сочувствия и теплоты отношения. Это было свойство, связанное с душевной нежностью Басова.

Свое жизненное обаяние Басов умел перенести на сцену. Это обаяние было обаянием ребячливости. Играл ли Басов положительных и отрицательных героев, все равно в каждой изображаемой им роли была вот эта басовская нотка детской шаловливости. Она воспринималась как своеобразный почерк художника. «Большой ребенок» — это старомодное выражение хочется любовно произнести, думая о Басове на сцене. Как актер он был очень мягок, его движения были мелки, порой казалось, что он не ходит, а перекатывается по сцене. Его манера произносить слова была очень своеобразна. Он говорил с призывком, похожим на какое-то захлебывание. От этого текст приобретал аппетитность, слова в устах Басова были вкусны.

Среди учеников Вахтангова Басов был тем, кто унаследовал от своего учителя одну из характерных черт искусства Евгения Вагратионовича: сочетание беспечности и серьезности. Это, в сущности, и составляет душу комедийного актера — говорить о важных делах с улыбкой. Такой чудесной улыбкой обладал Басов.

Басов принадлежал к числу «стариков» Вахтанговского театра. Старик эти молоды. Но он был молод не только датой своего рождения, а своим творческим отношением к искусству. Думалось, что Басов последнее время начинает тяготиться тем, что он уже умеет делать и, наоборот, стремится к тому, чем он еще не овладел. Этим исканиям новой сценической правды была отмечена для Басова его роль музыканта Миллера. В Миллере Басов менял свою сценическую маску. В глазах веселого шутника появилась подлинная человеческая скорбь. Басов учился играть новые для него чувства. Его искусство обновлялось и приобретало иные качества.

Смерть застигла Басова в пути, как застигла она в свое время Вахтангова. Симфония его жизни осталась, как и симфония жизни Вахтангова, недоконченной. Но покидая нашу великую страну, Москву, Арбат, театр, любимых и друзей, Басов остается в памяти, как воплощение мудрой жизнерадостности.

Н. ВОЛКОВ